

Воскресенье, 17 января 1910 г.

№ 15 Двадцатый год, № 15

Воскресенье, 17 января 1910 г.

Редакция газеты помещ. в Ростове на-Дону, на Большой Садовой улице, в собств. доме.

Редакция для явки, объявл. откр. отъ 12 до 2 ч. для Статьи должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора. Принятая статьи, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ измѣненію и сокращенію. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными. Мелкія замѣтки уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяць. Пересылку рукописей обратно авторамъ редакция на себя не принимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для газ. „Привозской Край“ отъ лицъ, фирмъ и учреждений, находящихся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Привислянскомъ край и за границею, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома „Л. и Э. Метцель и Ко“ въ Москвѣ, въ домѣ Сытова, и въ его отдѣленіяхъ С.-Петербургѣ, на В. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Краковскоо пром., № 58,—по таксъ: полн. текста по 12 к., а впереди текста по 25 к. за строку полн. или занимаемою мѣсто.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Условія подписки съ доставкой и пересыл. городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ:

12 м.—9 р.—к.	8 м.—6 р. 50 к.	4 м.—3 р. 50 к.
11 м.—8 р. 50 к.	7 м.—5 р. 75 к.	3 м.—2 р. 75 к.
10 м.—8 р.—к.	6 м.—5 р.—к.	2 м.—2 р.—к.
9 м.—7 р. 25 к.	5 м.—4 р. 25 к.	1 м.—1 р.—к.

За перемѣну адреса 25 коп.
За пересылку заграи. вѣст. 60 к. ежемѣсячно.

Подписка принимается только съ каждаго 1 числа и не далѣе конца года.

За объявленія: за строку, занимаемую полн. текстомъ 20 к., впереди текста—10 к.

При многократ. вѣст. — скидка по соглашенію.
За рисун. занимаем. при газетѣ—8 р. отъ каждаго тѣща.
Главная контора помещается въ Ростовѣ на-Дону, на Бол. Садовой улицѣ, вѣ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 7 ч. вечера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.
Отдѣльные номера въ Ростовѣ ад. и въ отдѣленіяхъ—5 к.
Телефонъ конторы № 240.

ин, что до него провинциальная Россия была совершенно неизвестной, была terra incognita; уже писали очень много и — будем справедливы — очень хорошо, с большим чувством писали о его беззастенчиво-вселом, примирительном смѣхѣ и о грусти его, о марающей грусти.

Много писали. Но все-таки, ах, как хочется сказать: как много написано и как мало продумано! Не задолго до смерти Чеховъ говорилъ, что его скоро забудутъ, а когда кто-нибудь будетъ писать историю литературы, то его, можетъ быть, вспомнятъ и напишутъ о немъ такъ: «вотъ еще былъ писатель: вытигъ». И, действительно, сколько бы вы ни читали о Чеховѣ, вы выносите одно пастойчивое и тяжелое впечатлѣніе: Чеховъ — вытигъ.

Но, конечно, когда вы читаете его, Чехова, свѣтлая, нѣжная и вѣчно-живая страницы, то впечатлѣніе получаете другое, совершенно другое, ну, совсѣмъ не то, которое съ поразительнымъ егоизмомъ и жестокостью хотѣли внушить критики. Какъ вѣрить, какъ глубоко и все болѣе и болѣе радостно вѣрить, какимъ по-этомъ какого стихійнаго оптимизма былъ Чеховъ! Я не буду разбираться какъ и почему сдѣлали такую ошибку наши отечественные критики: скучно и бесполезно — вѣтъ утъ бесполезно! — разбираться въ ихъ ошибкахъ. Какъ больно, читатель, что у насъ нѣтъ критики, настоящей, серьезной, проникновенно любящей писателя — только его и больше никого и ничего на свѣтѣ!

Богъ съ ними, съ критиками. Вы помните двухъ крестьянскихъ дѣвочекъ изъ разсказа Чехова «Мужики»? Одну звали Сашей, другую — Мотькой. Сашѣ уже минуло десять лѣтъ, но она была мала ростомъ, очень худа, и на видъ ей можно было дать лѣтъ семь, не больше. Среди другихъ дѣвочекъ, загорѣвшихъ, дурно одѣтыхъ въ длинныя полинялыя рубахи, она бѣленькая, съ большими, темными глазами, съ красной ленточкой въ волосахъ, казалась забавной, точно это былъ звѣрекъ, котораго поймали въ полѣ и принесли въ избу». У Мотьки серьезное, строгое лицо, говоритъ она басомъ. Въ жаркій августовскій вечеръ онѣ стоятъ около огорода и бесѣдуютъ. Саша, глядя на деревенскую церковь, говорила: «Въ церкви Богъ живетъ. У людей горятъ лампы да свѣчи, а у Бога лампадки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай угодничекъ — тупъ, тупъ, тупъ... А сторожу страшно, страшно!»

Но все это на Мотьку не производитъ впечатлѣнія, не вызываетъ отклика. Когда же ей Саша говоритъ, что когда будетъ свѣтопреставленіе, то всѣ церкви унесутся на небо, то тутъ уже она задаетъ съ крайнимъ изумленіемъ вопросъ, который сразу показываетъ съ какой силой, чѣмъ Саша, стороны подходить Мотька къ вѣрѣ, — конечно, безсознательно. Она спрашиваетъ Сашу, растягивая каждый слогъ: Съ ко-го-ла-ми? Въ этомъ вопросѣ и сомнѣніи и непониманіе смысла вознесенія церквей на небо. Саша ей отвѣчаетъ: «Съ колоколами. А когда свѣтопреставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка. Моей мамѣ и тоже Марѣ Богъ скажетъ: вы ничего не бойтесь и за это идите направо, въ рай; а Кирьяку и бабѣ скажетъ: а вы

идите направо, въ огонь. И кто скоромное ѣлъ, тотъ тоже въ огонь». Вотъ въ этихъ то словахъ Саша Мотька и находитъ то, что ей пужно. Какъ то странне и совершенно непонятно, чтобы церкви унеслись на небо, да еще съ тяжелыми колоколами. Да и зачѣмъ это пужно? А вотъ то, что сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, а добрые пойдутъ въ рай, — это хорошо, это нужно и ужасно необходимо. Мотька эти слова Саша глубоко затаила въ своей душѣ. Сейчас же послѣ этихъ словъ произойдетъ между ними слѣдующій разговоръ. Саша посмотрѣла вверхъ на небо, широко раскрывъ глаза, и сказала:

— Гляди на небо, не мигай, — ангеловъ видать.

Мотька тоже стала смотрѣть на небо, и минута прошла въ молчаніи.

— Видишь? — спросила Саша.

— Не видать, — проговорила Мотька басомъ.

— А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками мелькаютъ, будто комарики.

Мотька подумала немного, глядя на землю, и спросила:

— Бабка будетъ горѣть?

— Будетъ, касатка.

На этомъ разговоръ ихъ кончился, и на эту тему на всемъ протяжении разсказа больше не возобновлялся. При всѣхъ своихъ усиліяхъ и при всемъ своемъ желаніи увидѣть ангеловъ на небѣ, Мотька ихъ не видитъ. А Саша ихъ видитъ очень легко. Почему же Мотька ихъ не видитъ? Развѣ Мотька не можетъ увѣровать такъ же, какъ Саша? Конечно, можетъ, она и вѣритъ, и сила ея вѣры не меньше силы Сашиней вѣры. Но разница — въ предметѣ вѣры той и другой. Въ ангеловъ на небѣ Мотька не вѣритъ, но она вѣритъ въ высшее возмездіе, въ то, что «добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо». Ангелы ей не пужны. Ангеловъ на небѣ можно увидѣть только тогда, когда хочешь ихъ увидѣть. Недостаточно глѣдѣть на небо и не мигать, какъ говоритъ Саша. Прежде чѣмъ ихъ увидѣть, пужно увѣровать въ то, что они есть, и увѣровать не какъ-нибудь, а крѣпко и непреодолимо, быть завороченнымъ силой безумнаго желанія чудеснаго исцѣляющаго видѣнія. Вотъ почему Мотька равнодушна къ красненькимъ, зелененькимъ и синенькимъ лампадкамъ, къ тому, что церкви унесутся на небо съ колоколами, къ ангеламъ на небѣ, ко всѣмъ этимъ изумительнымъ, страшнымъ, но непостижимымъ въ своемъ смыслѣ и ненужности божественнымъ явленіямъ. Тренотомъ ея смутнаго, но прожженного страданіемъ, дѣтскаго сердца рождается сила ея безумнаго желанія возмездія. Однажды въ Успенъевъ поостъ, когда бабка, мучившая всѣхъ въ домѣ, вышла изъ избы, то Мотька оползла съ печи и, подойдя къ скамьѣ, гдѣ стояла деревянная чашка съ жорками, которыя ѣла бабка, плеснула въ нее молока. Бабка, вернувшись въ избу, принялась опять за свои жорки, а Саша и Мотька, сидя на печи, смотрѣли на нее, и имъ было пріятно, что она оскоромила и теперь ужъ пойдетъ въ адъ.

Но Сашѣ важно не возмездіе, а эстетика вѣры, ея красота, ея нѣжная и чистая иллюзія, которыя возносятъ душу на небо и даютъ ей покой и умиленіе. Не восторгаются «красненькія, зелененькія, синенькія лампадки», «маленькіе

ангелочки, летающіе по небу», радующія чудеса и ласкающія грезы.

Соня въ драмѣ «Дядя Ваня» говоритъ: «Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка. Я вѣрую, вѣрую».

Вслушайтесь въ тонъ, съ какимъ говоритъ Соня о своей вѣрѣ. Она говоритъ утомленнымъ голосомъ о грядущемъ отдыхѣ. Она хочетъ, чтобы осуществилось то, въ чемъ она сама чувствуетъ потребность въ данный моментъ, — въ моментъ глубокаго утомленія и душевнаго надрыва. Трудно сказать, что Соня действительно вѣритъ въ побѣдную «свѣтлую, прекрасную, изящную жизнь» — но развѣ можно вѣрить только въ то, что обязательно должно или можетъ осуществиться? Вѣдь смелѣе вѣры вовсе не только въ томъ, какъ вѣрить, и во что вѣрить. Вѣдь можно вѣрить даже тогда, когда твердо знаешь, что мечта вѣры совершенно неосуществима. Это вѣра ради самой вѣры; вѣра, какъ извѣстное психическое состояніе, какъ настроеніе. Чадѣло, среди удушья и одурманивающихъ негѣностей жизни, для нашего подъема и внутреннего равновѣсія нужна не реальность, а иллюзія. Тогда мы охотнѣе вѣримъ въ иллюзію, трезво зная, что она иллюзія, сильнѣе и глубже вѣримъ въ нее, чѣмъ въ реальность, когда это намъ нужно. Можетъ быть, такая вѣра есть одно изъ самосознательныхъ средствъ нашей души отъ преждевременнаго паралича и омертвенія? На это намекаетъ А. Чеховъ въ своемъ символическомъ разсказѣ «Черный монахъ».

Молодой ученый Ковринъ въ болѣзненной, напряженной тревогѣ рѣшаетъ философскіе вопросы, на которые нѣтъ отвѣта, по крайней мѣрѣ, онъ ихъ не находитъ. Онъ сходитъ съ ума. Во время галлюцинацій къ нему является черныи монахъ, который помогаетъ рѣшать ему эти вопросы. Мысль его проясняется и онъ чувствуетъ радость. Онъ счастливъ. «Мнѣ кажется страннымъ, говоритъ онъ черному монаху, что отъ утра до ночи я испытываю одну только радость, она наполняетъ всего меня и заглушаетъ всѣ остальныя чувства. Я не знаю, что такое грусть, печаль или скука». Все, что говоритъ ему черныи монахъ, онъ принимаетъ съ восторгомъ. Его энергично лечатъ и, наконецъ, вылечиваютъ. Но чувствуетъ онъ себя скверно, потому что съ выздоровленіемъ появились опять мучительные, безотвѣтные вопросы. «Зачѣмъ вы меня лечили? — говоритъ въ такія минуты Ковринъ. — Я сходилъ съ ума, у меня была манія величія, но зато я былъ веселъ, бодръ и даже счастливъ, я былъ интересенъ и оригиналенъ. Теперь я сталъ разсудительнѣе и солиднѣе, но зато я такой, какъ всѣ: я — посредственность, мнѣ скучно жить... О, какъ вы жестоко поступили со мной! Я видѣлъ галлюцинаціи, но кому это мѣшало? Какъ счастливъ Будда и Магометъ или Шекспиръ, что добрыя родственники и доктора не лечили отъ экстаза и вдохновенія». Умираетъ онъ въ восторгѣ блаженства и невыразимаго, безгражданскаго счастья. Характерно и дѣлаю не случайна въ этомъ разсказѣ то, что Ковринъ испытываетъ блаженство и радость въ подвѣсѣ вѣры въ

безплотную, но красивую иллюзію чернаго монаха, разрывающаго всѣ его вопросы.

Въ большинствѣ разсказовъ и во всѣхъ крупныхъ вещахъ А. Чехова все та же молодія, все та же нѣжная вѣра и тихая, грустная радость.

Въ холодную осеннюю ночь студенты духовной академіи шель домой запертымъ дугомъ и подошлой пошлѣ у костра, разведеннаго женщинами. Онъ сказалъ имъ, что въ такую же холодную ночь апостолъ Петръ также грѣлся у костра — въ ту ночь, когда отсекся отъ Христа. Студентъ разсказываетъ, а глаза изъ женщинъ плакала. Крутомъ было пустынно и особенно мрачно. Студентъ подумалъ о Василисѣ: если она заплакала, то, значитъ, все, происшедшее въ ту страшную ночь съ Петромъ, имѣетъ въ ней какое-то отношеніе. Когда онъ ушелъ отъ костра, то «радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы пережить духъ. Прошлое — думать онъ — связано съ настоящимъ непрерывною цѣлью событий, вытекающихъ одно изъ другого. И ему казалось, что онъ только-что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ прыгнуть другой». И онъ, съ очарованіемъ радости и прерывающаго думалъ о томъ, что «правда и красота, направляющія человѣческую жизнь, тамъ въ саду и во дворѣ перваго священника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составятъ главное въ чинувинской жизни и вообще на землѣ; и чувство молодости, здоровья, силы, — ему было только 22 года, — и невыразимо слабое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственнаго счастья овладѣвали имъ мало-по-малу, и жизнь казалась ему восхителію, чудесной и полной высокаго смысла».

Всѣ, всѣ его великія творенія обвѣяны этой стихійной, непосредственной вѣрой то въ культуру, то въ прогрессъ, то въ счастье, невѣдомое и таинственное, проникнутое сладостнымъ утѣшеніемъ и жгучимъ ожиданіемъ грядущаго отдыха, умиротворенія и прекрасной жизни. И всегда этотъ мотивъ былъ въ творчествѣ Чехова — отъ перваго до послѣдняго дня. Великую, святую, соборную литературу имѣетъ эта удивительная страна, но, Боже мой, когда же, наконецъ, она родитъ сыновъ, которые ее будутъ понимать?

«Три сестры», «Вишневый садъ», «На вѣста» еще и еще несутъ ту утреннюю бодрость, лазурную, чистую ласку, прелестную, незабываемую сказку счастья, о смыслѣ жизни; о красотѣ человека, поземную иллюзію о свѣтлой и градь. «Черезъ дѣсять — триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невозобразимо прекрасной, удивительной. Человѣку нужна такая жизнь. И если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ почувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣды и отцы». Такъ говоритъ Вершининъ изъ «Трехъ сестеръ».

Когда читаетъ его писателя, то тотъ же теплый, матовый свѣтъ вѣры и радости, затѣненной легкой, невольной грустью, свѣтитъ отъ каждой его страницы и глубокой мысли. И его называли вытигъ.

Поэзія вѣры и грустной радости.

Очень много написано о Чеховѣ. Уже писали о томъ, что онъ, какъ никто другой, наиболѣе яркій и проникательный изобразитель своей эпохи; уже писали о томъ, что никто, какъ онъ, не могъ показать апатію и пошлость, скуку и безсмысленность нашей жизни, что никто, какъ онъ, не знаетъ провинциальной Рос-